

Оглавление

<i>От автора</i>	9
1. Жизнь до войны	13
2. Неопределенное будущее	29
3. Первые впечатления от Берген-Бельзена	45
4. Повседневная жизнь в лагере	70
5. Болезненные потери	94
6. Воссоединение с Анной Франк	108
7. Освобождение Берген-Бельзена	131
8. Назад в Голландию	157
9. Новая жизнь в Англии	181
10. Все начать сначала	202
<i>Эпilog</i>	215

*Я посвящаю эту книгу
моим дорогим родителям
Мартину Виллему и Хелен.
Я обязана вам своей жизнью,
а также всей любовью,
которую я получила
и чувствую по сей день.*

От автора

К сожалению, нет кнопки «очистить» собственную память. А я хотела бы иметь возможность стереть все страдания, что прожила и увидела. Эта боль прошлого до сих пор внутри меня. Слишком долго те кошмары были частью моего мира. Но иногда я спрашиваю себя: «Зачем все забывать? Что я от этого выиграю? Спокойствие духа?» Может, и так, но это был бы иллюзорный покой, слепой покой. Я знаю, что забыть — значит позволить другим снова пережить твои худшие кошмары. Поэтому я все помню. Чтобы никому не пришлось переживать подобное! История никогда не даст мне покоя. По сути, я и есть История.

Сейчас, когда мы вспоминаем Холокост, все спрашивают: «Как это могло случиться? Как люди могли совершить такое?» Я тоже до сих пор задаюсь подобным вопросом.

И все члены моей семьи — той, которую я создала после окончания войны, — думают о том же.

Рассказы о концлагерях вызывают у взрослых такие кошмары, словно они снова становятся маленькими и беспомощными. И если взрослым так сложно все это переваривать, представьте, каково детям? Однажды ко мне подошел один из моих внуков и прямо спросил: «Бабушка, правда ли, что немцы давали евреям мыло, говорили, что они идут в душ, а на самом деле всех убивали?» Я не сразу смогла ответить. Честно сказать, окаменела от страха. Ответить правду — причинить ему боль. Но как я могла не ответить? Мой внук должен знать, как это было ужасно. К сожалению, такие ужасы существуют на свете.

— Да, это правда, — сказала я. — Поэтому мы должны бороться до конца, чтобы никогда такое не повторилось. — А сама живо вспомнила те времена, когда преодоление боли было единственным способом выжить.

«Чтобы никогда такое не повторилось...»
Время утекает сквозь пальцы, память о Холокосте тускнеет. Но мы должны возвращать ее снова и снова. К сожалению, мир

по-прежнему страдает от войн и национальных раздоров. Я готова умереть, сражаясь, чтобы ни один человек больше не испытал того, что было со мной, что было со всеми евреями в прошлом. Мир должен знать и помнить о том, что с нами произошло. О тех днях, когда я даже не могла смотреть в глаза представителям так называемой «расы господ».

Я долго и упорно думала о том, как важно поделиться с миром своей историей. На одном из поворотов судьбы я познакомилась с другим заинтересованным в этом человеком — Марсией Батистой. Она оказалась идеальным партнером для этого проекта. Как и я, она верит, что истории о Холокосте важны для всех людей. И для тех, кто не знаком с этой частью истории, и для тех, кто вообще не верит, что это произошло. Мы считаем, что просто обязаны осветить этот один из самых темных периодов мировой истории. Это наша борьба, наше наследие.

Цель этой книги — рассказать миру правду, какая бы она не была горькая и неприятная. На этих страницах вы прочтете о событиях, которые постоянно прокручиваются в моей памяти, как фильм на по-

вторе. О кошмарах, которые по сей день преследуют меня во сне. Как однажды сказал испанский философ Джордж Сантяна, «тот, кто не помнит прошлого, обречен на его повторение». Бдительность — вот цена свободы.

*Нанетт Блиц-Кёниг,
Сан-Паулу, 2015 г.*

ЖИЗНЬ ДО ВОЙНЫ

Как можно уловить момент, когда наша жизнь вот-вот изменится? Когда все, что близко и дорого, вот-вот исчезнет? Я вспоминаю свое детство, то время, которое провела с отцом, матерью и двумя моими братьями. Сейчас воспоминания так далеко, что я должна приложить огромные усилия, чтобы эти черно-белые изображения не исчезли раз и навсегда. Иногда я задаюсь вопросом — были ли те дни на самом деле, или это сказка, которую мне рассказали другие люди? Может, медсестра в госпитале после войны — чтобы я быстрее оправилась от ужасов концлагеря.

К моему величайшему облегчению, сохранились некоторые фотографии. Я беру их в руки и вижу, как счастливы мои родители в день их свадьбы. Хорошие времена, наполненные радостью и любовью. Я рада,

что еще не забыла их. Раннее детство ассоциируется у меня с улыбками, смехом, легкостью и свободой.

Эти счастливые лица, такие чистые и светлые, впоследствии приговорены к смерти по той простой причине, что были евреями. «Почему мы? Почему они сделали это с нами?» Эти вопроса до сих пор терзают многих.

Чтобы понять мою историю, нужно понять всю историю Европы того времени. Наши истории никогда не бывают только нашими. Моя история, история девочки Нанетт, переплетается с более крупной историей, историей евреев во время Второй мировой войны. Сколько миллионов жизней изменились тогда в одночасье? Моя жизнь изменилась навсегда 10 мая 1940 года. Гитлер вторгся в Голландию со своими могущественными вооруженными силами, и в течение нескольких часов взял под свой контроль большую часть страны. Фюрер нацелился на Голландию из-за ее близости к Франции, одному из злейших врагов нацистской Германии.

Беззащитное перед немецким вторжением правительство Нидерландов сдалось через пять дней. Свой народ оно оставило в руках нацистов. Это было началом конца.

До прихода Гитлера наша жизнь была мирной. Я родилась 6 апреля 1929 года в Амстердаме, столице Голландии, в семье голландца по отцу и южноафриканки по матери. Хелен, моя мать, была женщиной, опередившей свое время. До замужества с моим отцом она работала секретарем. Когда мой дедушка по материнской линии умер, одна из старших сестер моей матери — всего их было четыре — выучилась на учителя и, таким образом, вносила свой вклад в оплату домашних расходов, которые обеспечивала одна из их теток. Вскоре она призвала своих младших сестер учиться на секретарей и работать. Бесспорно, это были ростки современной женской эмансипации. Моя мать вышла замуж, когда ей было двадцать пять. Хотя она стала домохозяйкой, осталась сильной женщиной. И образование, которое она дала своим детям, является одним из ее самых ценных даров. Без сомнения, память о ее независимости и самоотверженности придавали мне сил, даже когда жить становилось совсем невыносимо.

Я очень рано открыла для себя, что такое смерть, поняла, насколько она может изменить нашу жизнь. Виллем, мой младший брат, родился с болезнью сердца и умер

в возрасте четырех лет. Моя мать знала, что это произойдет, готовилась к этому. Я помню, вскоре после смерти моего брата она сказала мне: «Нэнн, моя дорогая, однажды они найдут лекарство. К сожалению, Виллем не прожил достаточно долго, чтобы увидеть этот день. В тот день, когда у тебя появится ребенок, не беспокойся об этом». Смерть младшего брата, к сожалению, стала первой моей большой потерей.

Мой отец тоже был замечательным человеком. По рождению Мартин Виллем был голландцем. В начале двадцатого века высшее образование не было широко распространено, но он с детства проявил недюжинные способности к наукам. Юношей он учился в Амстердамской бизнес-школе. Вскоре начал работать в Банке Амстердама. Мало-помалу его стали назначать на все более и более ответственные должности, потом сделали директором банка. Он был очень широко образован, говорил на нескольких языках. Однажды, возвращаясь из командировки в Скандинавию, папа сказал мне: «Нэнн, в следующий раз, когда я туда поеду, я буду говорить на их языке». И я знала, что так и будет.

Они были любящими, но требовательными родителями. В первую очередь, пытались научить меня и моего брата быть ответственными людьми. Учиться и получать хорошие оценки. Это было нашей обязанностью. Мы сами должны были следить за своими домашними заданиями и результатами тестов, думать, как их улучшить. Я до сих пор благодарна своим родителям за то, как они нас воспитали.

В начальной школе было хорошо. Сегрегация еще не началась, а это означало, что христиане и евреи учились вместе. Мы по-прежнему жили свободно и счастливо. Я улыбаюсь каждый раз, когда вспоминаю те дни. Хотя меня нередко ругали, потому что я была далеко не самым воспитанным ребенком. Наверное, не раз сводила родителей с ума. Вообще, была сорванцом. Помню, как однажды взобралась на крышу, чтобы таскать яблоки с соседского дерева. Мой брат Бернард Мартин, на два года старше меня, вел себя намного сдержаннее. Трудно представить, что из нас двоих именно я являлась юной леди.

Мы жили в большом трехэтажном доме. Я любила заниматься гимнастикой, благо, пространство дома это позволяло. Попро-

буйте представить, как моя мама зовет меня на ужин, пока я вишу на гимнастических кольцах...

Я также любила читать. Книги, газеты, журналы — читала все, что попадалось под руку! Рано утром я спускалась к порогу, чтобы забрать отцовскую газету, и читать заголовки, пока поднималась по лестнице. Почему папа никогда не находил странным, что мне требуется так много времени, чтобы подняться по этой лестнице? Может быть, он понимал, что я делаю. Вероятно, папе было приятно знать, что его дочь интересуется тем, что происходит в мире, что у нее такой же живой ум, как у матери. Сегодня я понимаю, мои родители поощряли нас сформировать собственное мнение, а не навязывали нам мнение других. Это проявлялась и в отношениях с религией. Мы не были ни еврейско-ортодоксальными, ни еврейско-традиционными.

Моя мать говорила, что она не любит преувеличивать, а отец считал себя либералом. Это не означало, что наше воспитание не включало в себя религии. Отец пять лет заставлял меня учиться у раввина. Он считал важным для меня изучать историю нашего народа. Мы не слишком часто ходи-

ли в синагогу. Однако, когда необходимо, мой отец был вполне способен провести митинг, общественную молитву, для которой требовался кворум из десяти мужчин-евреев.

Потом все изменилось. Я помню Хрустальную ночь в ноябре 1938 года, когда еврейское имущество было разграблено, а синагоги сожжены по всей Германии. Гитлер явно начал претворять в жизнь свой план преследования и уничтожения евреев. Однако в Голландии еще не осознавали нависшей над страной неминуемой опасности. Поскольку во время Первой мировой войны мы сохраняли нейтралитет, все думали, что и в этот раз произойдет то же самое.

Да, антисемитизм и раньше присутствовал, но в Голландии он был не столь явным, как, например, в Польше, где Гитлер посеял свое семя на заведомо плодородной земле. Когда в 1925 году он опубликовал «Майн кампф», написанную им во время пребывания в тюрьме, его сообщение о нас, «паразитах», еще больше нашло отклик в таком контексте. Кроме того, после Первой мировой войны Германия была опустошена в финансовом, политическом и социальном плане. Все стороны были готовы компенсировать свои потери за счет евреев.

Мне и моей семье подписали смертный приговор 22 марта 1941 года. После оккупации в умах людей уже не было никаких сомнений: положение еврейской общины в Голландии будет ухудшаться. Нацисты быстро решили, что все голландцы, если они евреи, должны объявлять себя таковыми властям. Эти декларации, как и управление всеми гетто в Польше, где евреи фактически содержались в заключении, управлялись еврейскими советами, созданными нацистами. Эти учреждения сыграли весьма противоречивую роль во время Холокоста.

Со временем евреи все больше изолировались от общества. Я видела, как мою свободу уничтожают на моих же глазах. Наша жизнь в Голландии явно ухудшилась. В конце 1940 года государственных служащих-евреев уволили вместе с учителями-евреями. Вскоре были приняты дополнительные меры изоляции. Нам запретили пользоваться общественным транспортом, парками и кинотеатрами. Некоторые учреждения вывесили таблички с надписью «Евреям вход воспрещен». Когда мы посещали те немногие места, куда нас еще пускали, нам приходилось носить желтую звезду Давида. Так

нас всегда можно было идентифицировать. Это заставляло меня чувствовать себя крайне уязвимой.

Евреям запрещалось заниматься бизнесом, даже иметь социально значимую профессию. К сожалению, несмотря на попытки банка сохранить столь компетентного управляющего, каким был мой отец, его в конце концов уволили. Я до сих пор удивляюсь, насколько все это было безумно.

По мере реализации планов Гитлера, ситуация будет становиться все более и более опасной для нас. С немецкой аккуратностью нацисты накопили достаточно информации о евреях в Голландии. Они планировали наше уничтожение. В конце 1941 года евреям сообщили, что они больше не имеют права выбирать школу, в которой хотят учиться. В Голландии было создано 25 еврейских гимназий, и мне пришлось учиться в одной из них. Не помню, что я чувствовала в тот момент, когда услышала эту новость. Это было то, что мы должны были сделать, поэтому мы просто сделали это. Но представьте себе маленькую двенадцатилетнюю девочку, которой в одночасье приходится полностью изменить свой взгляд на жизнь.

Мне было запрещено видаться с моими собратьями-христианами. Я больше не могла ходить к ним домой или отмечать их дни рождения.

Лицей по адресу Voormalige Stadstimmeruin 1 в Амстердаме, где вместе учились Ханнетт Блиц-Кёниг и Анна Франк (современная фотография)

Мы ничего не могли сделать, нам просто пришлось смириться с новыми реалиями. Словно немцы стали богами, направляющими нашу жизнь, играющими с нашими судьбами. Сами голландцы, движимые страхом, приняли решения нацистов, не подвергая их сомнению и даже не протестуя.

В новой «еврейской» гимназии я познакомилась с этой гениальной, худощавой девушкой с пленительной улыбкой — Ан-

ной Франк. Помню, она сразу привлекла к себе общее внимание живостью характера и умом. По счастливой случайности мы с Анной оказались в одном классе.

В той гимназии мы все были евреями, и ученики, и учителя. Ситуация была более чем драматичной. В первый год у нас в классе было тридцать учеников, в начале второго года — всего шестнадцать. Ученики просто начали исчезать. Больше мы о них ничего не слышали. О них никто даже не упоминал. Они скрывались или их депортировали? — гадали мы. В конце 1942 года голландская пресса сообщила, что нацисты решили отправить евреев в трудовые лагеря в Германии.

Депортация представляла собой самый разрушительный сценарий. Мы жили в постоянном страхе за себя и за наших близких. Представьте: однажды вы просыпаетесь, а ваших двоюродных братьев нет. На следующий день ваша бабушка депортирована и исчезла, как будто ее никогда и не было. Это очень давит на психику. Но именно в той атмосфере коллективной тоски и страданий мы становились все более близки. Мы, группа еврейских детей не старше четырнадцати лет, поддерживали друг друга как взрослые.

*Нанетт Блиц-Кёниг
в школьном классе*

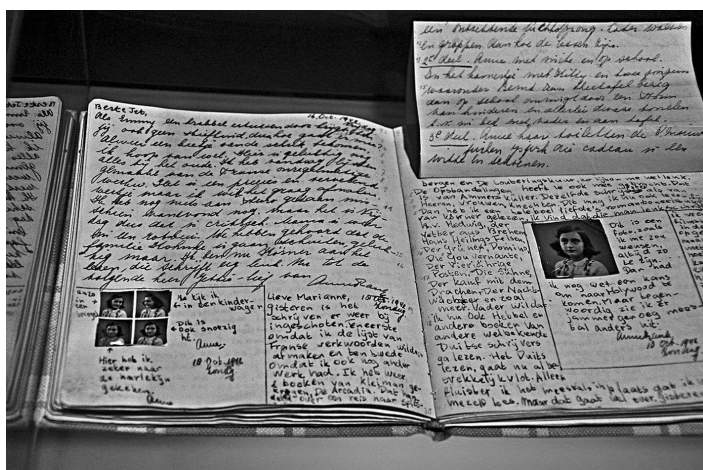

Анна Франк в школьном классе. Обе фотографии были сделаны в то время, когда они вместе ходили в школу. Декабрь 1941 года

Анна Франк тоже однажды исчезла. Она и ее семья спрятались от немцев в июле 1942 года. Они стали жить в секретной пристройке, расположенной в компании ее отца Opekta Werke, которая специализировалась на приготовлении фруктовых джемов. Ходили слухи, что они бежали, но никто не был уверен.

Помню, когда мы с Анной еще учились вместе, она пригласила меня на день рождения. Ей исполнилось тринадцать лет. Запомнилось, как мы смотрели какую-то рекламу фабрики по производству варенья перед фильмом «Рин Тин Тин» — тогда фильмы хранились в коробках. На улице была война, комендантский час начинался в восемь часов вечера, поэтому мы не могли долго сидеть за столом. Некоторые биографы ошибочно писали, что я подарила ей закладку. На самом деле, я подарила ей брошь — помню, как будто это было вчера. Именно на том дне рождения она получила тетрадь, будущий дневник, ставший впоследствии таким знаменитым. Никто в гостиной Франков и представить не мог тогда, что эти переплетенные листы бумаги однажды будут содержать слова, способные тронуть читателей по всему миру.

Сколько было всего, что никто из нас не смог бы тогда предвидеть! Анна мечтала стать писательницей. Но, конечно, совсем не мечтала описывать то, что пришлось впоследствии, худший кошмар нашей жизни.

Дневник Анны Франк, ставший одним из главных памятников Холокоста

В конце сентября 1943 года в жизнь моей семьи ворвалась жестокая реальность. Рано утром кто-то начал стучать в дверь так, словно пытался ее снести. Не помню, кто открыл — мама или папа. Я же поняла, что пришла беда. Мое сердце стучало все громче и громче с каждым мгновением. Я даже боялась, что кто-то из нацистов услышит его и разозлится.

Мы вчетвером оказались перед гитлеровцами, испуганные и растерянные. Они ругались на нас, выгоняли из наших собственных домов. С собой разрешалось взять лишь немного одежды и вещей. Как и ожидалось, «Пульс», транспортная компания, нанятая нацистами для освобождения домов депортированных евреев, шла следом и брала под свой контроль наши дома и все наши ценности.

По сей день я не понимаю не то, как Гитлер мог сделать это безнаказанно, а как ему удалось превратить обычных мужчин и женщин Голландии в жестоких животных, лишенных всего человеческого. Но это только один из многих вопросов, которые я продолжаю задавать себе сегодня. После сентября 1943 года, когда выследили последних скрывавшихся евреев, Голландия была объявлена нацистами юденфрай — «страной, свободной от евреев».

Неопределенное будущее

Гитлер никогда не переставал играть с нами, евреями. Воспользовавшись структурами, созданными с помощью Еврейского Совета, и запретив евреям пользоваться общественным транспортом, он тем не менее постоянно перемещал евреев в пространстве (депортировал). Можно сказать, что я и моя семья оказались в трамвае неопределенного и безнадежного будущего.

Что я могла чувствовать, кроме страха? В то время не было другого чувства, которое я не испытывала бы так глубоко. Страх стал моим лучшим другом.

Мой отец никогда не рассматривал вариант, что наша семья может скрыться, как это делали другие голландские евреи при приближающейся опасности. Чтобы найти место, где спрятаться, требовались деньги и доверие к человеку, который будет вас

укрывать. При этом всегда оставалась возможность предательства и депортации. Более того, окончание войны казалось таким далеким. Как долго мы могли бы прятаться?

Я знаю, что папа полностью доверял нашему адвокату. Он думал, что этого будет достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности. На самом деле оказалось, что в паспорте моей матери, выданном Южно-Африканским Союзом (копии которого у нее на тот момент уже не было), не значилось упоминание о ее религиозной принадлежности. Поскольку она не была официально признана еврейкой, адвокат сказала нам, что может получить документ, отрицающий это. Конечно, услуга имела свою цену. Она так и не сделала нам этот документ, просто присвоила наши деньги. Такое часто тогда проделывали с еврейскими семьями. На нашей беде наживались многие.

Те, кто скрывался, тоже не были в безопасности. Они жили в страхе, что их обнаружат. Что кто-нибудь сообщит о них, польстившись на вознаграждение. Удивительно, как война выявляет в людях как лучшее, так и худшее. События, которые мы пережили и наблюдали, к сожалению, показывали нам преимущественно худшее. Это была война.

Почему никто не пытался нам помочь? Почему никто ничего не сделал? По правде говоря, все боялись что-либо делать. В то время помощь еврею каралась смертной казнью. Никто из обывателей не хотел рисковать.

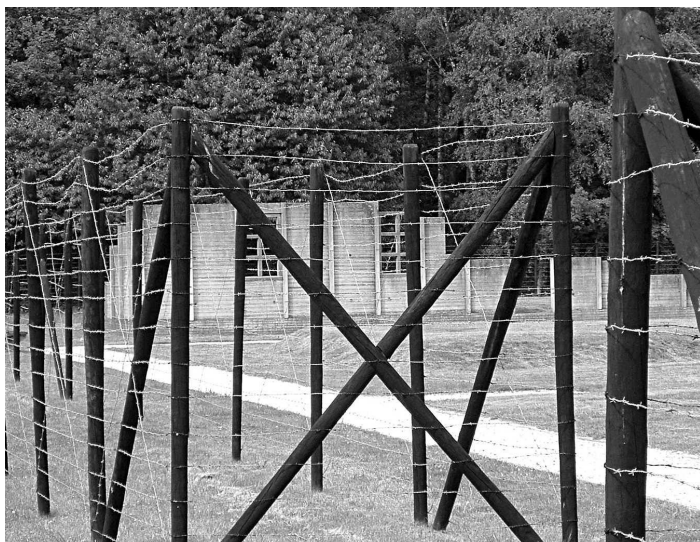
После ареста нас повели по пустынным улицам к железнодорожной станции Амстел. Часто с железнодорожного вокзала начинаются радостные события — встречи, праздники, визиты к родственникам. На этот раз ничего радостного не было. Мы отправлялись навстречу нашей бедственной судьбе. Первой нашей целью был Вестерборк, транзитный лагерь в провинции Дренте на северо-востоке Голландии.

Голландия — страна маленькая. Поездка получилась короткой, нескольких часов, не больше. Помню, в поезде нас бдительно охраняли. Гитлеровцы хотели убедиться, что никто сбежит. Можно подумать, что мы действительно были величайшими преступниками, которых когда-либо знал мир.

Лагерь Вестерборк был построен правительством Нидерландов в 1939 году для размещения евреев, бежавших из Германии. Они жили в постоянном страхе перед нацистами. В итоге эти постройки ста-

ли очень полезны самим немцам. В конце 1941 года немцы решили, что Вестерборк станет идеальным транзитным лагерем для приема голландских евреев перед отправкой их в концлагерь. К июлю 1942 года немцы окончательно взяли это место под свой контроль. Недолгая остановка в Вестерборке означала скорую отправку на смерть.

С виду Вестерборк был совершенно негостеприимным местом, окруженным серым и безжизненным пейзажем. Лагерь имел главную аллею, по обеим сторонам которой

*Частичная реконструкция бараков
в транзитном концлагере Вестерборк*

*Класс еврейской школы,
депортированный в Вестерборк*

стояли хижины. Здесь ничто не могло напомнить мне город, который мы оставили. Там, где прошла моя юность, где я узнала счастье и свободу. Однако, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю, что было со мной после той остановки в Вестерборке, я понимаю, что это было еще не худшее место.

Наш поезд прибыл в центр лагеря. Я огляделась и увидела охрану и сторожевые башни. Вокруг были темные тюремные краски. Кто платил за все это? Именно мы! Содержание и расширение лагерей финансировались за счет конфискованного у самих же евреев имущества.

Нас повели и выстроили у комендатуры. Мы по очереди объявляли свое имя, происхождение, хотя и не могли назвать причины ареста. Эта процедура была одинакова во всех концлагерях, руководимых нацистами. Ее проходили все, кто не был отправлен в газовые камеры сразу по прибытии. Напомню, часть людей привозили в концлагерь для немедленного уничтожения.

Любопытно, что после окончания войны эта процедура регистрации позволила выжившим проследить последние шаги членов их семей.

Во время процесса регистрации мы с семьей едва могли говорить. Мой брат, который и так был тихим человеком, был совершенно напуган. У всех у нас на лицах было такое обеспокоенное выражение.

Нам разрешили оставить свою одежду. В отличие от тех, кто скрывался перед депортацией, как это было с Анной Франк и ее семьей, после того как они были найдены в пристройке в августе 1944 года. Беглецы считались «осужденными евреями» и должны были носить синие комбинезоны с деревянными башмаками. Им давали меньше еды. Они должны были оставаться